

12. Урманов А.В. Поэтика прозы А. Солженицына. М. : Прометей, 2000.

13. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Альта-Принт: ДОМ. XXI век, 2009.

14. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М. : Астрель: АСТ, 2008.

15. Штурман Д.М. Городу и миру = To the city and the world: О публицистике А.И. Солженицына. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988.

*Compound occasional substantives
in the publicistic works
by A.I. Solzhenitsyn*

There are sorted out and described the regularities of word formation of compound occasional substantives selected from the publicistic heritage by A.I. Solzhenitsyn. The characteristics of typical features of derivation are concluded by the specificity of functioning of occasionalisms in the group in the publicistic context.

Key words: *occasional substantives, publicistic works, A.I. Solzhenitsyn, peculiarities of derivation, functions.*

Е.В. ТЕРЕШЁНОК
(Волгоград)

**ФИГУРЫ ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНЕ
УВЕ ТИММА «ЖАРКОЕ ЛЕТО»**

На материале романа «Жаркое лето» современного немецкого писателя Уве Тимма рассматриваются особенности функционирования фигур интертекста как излюбленного стилистического приема автора, используемого им для раскрытия ключевых тем произведения «протест» и «учеба».

Ключевые слова: *фигуры интертекста, интертекстуальность, текст, текстовая аппликация, цитирование, парафраз, текстовая аллюзия.*

Феномен интертекстуальности уже более сорока лет является объектом пристального внимания многих ученых. В основе теории интертекстуальности лежит концепция «чужого слова», сформулированная М.М. Бахтиным и получившая развитие в работах французских постструктуралистов Ю. Кристе-

вой и Р. Барта в 60–70-х гг. XX в. Понятие «интертекстуальность» ввела в обиход в 1967 г. Ю. Кристева для обозначения особых диалогических отношений текстов, на которые указывал в свое время М.М. Бахтин [3, с. 427–457].

Выделяют два возможных подхода к трактовке феномена интертекстуальности – широкий и узкий. В рамках первого подхода интертекстуальность понимается как свойство текста как такового. По Р. Барту, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и текст окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [2, с. 418]. Н. Пьеге-Гро подчеркивает, что интертекстуальность – это «первооснова литературы» [9, с. 49], она существует с древнейших времен и «не открывает <...> какое-то новое явление, но позволяет по-новому осмыслить и освоить формы эксплицитного и имплицитного пересечения двух текстов» (Там же). В узком же смысле интертекстуальность – одно из характерных свойств литературы XX в., особенно литературы постмодернизма с ее принципом игры, проявляющимся в игре с чужими формами письма или же речевого поведения [4, с. 81].

Интертекстуальность позволяет «вывести произведение за его собственные пределы» [9, с. 46], повысить импликационный и модальный потенциал текста, так что «самый текст оказывается звеном в общей цепи культурного общения человечества» [1, с. 80]. Следует, однако, подчеркнуть, что необходимым условием для реализации вышеупомянутых возможностей интертекстуальности служит способность читателя распознавать в тексте отсылки к опорным текстам и соотносить их со своим тезаурусом.

В нашей работе мы придерживаемся узкого понимания термина интертекстуальности и разделяем авторитетное мнение Ю. Кристевой, Ж. Женетта, М. Риффатера, В.П. Москвина и других исследователей, ёмко определяющих интертекстуальность как ассоциативное взаимодействие текстов. Приемы же, построенные на интертекстуальных ассоциациях, мы вслед за В.П. Москвиным будем называть фигурами интертекста [5, с. 795]. К ним относятся цитирование, текстовая аппликация, тек-

стовая аллюзия, парафраз и травестирирование, а также имитация авторского стиля [6, с. 41].

В нашей статье мы хотели бы остановиться на характеристике фигур интертекста как излюбленном стилистическом приеме, применяемом современным немецким автором Уве Тиммом в романе «Жаркое лето». Фигуры интертекста в данном произведении служат раскрытию таких ключевых тем, как учеба студентов и их протестное движение. Охарактеризовать особенности функционирования этих фигур речи в названном романе, выявить их частотность употребления – задачи нашей статьи.

Специфика использования фигур интертекста в упомянутом произведении непосредственно связана с его ключевой тематикой. Роман «Жаркое лето» относится к ряду немногочисленных литературных свидетельств студенческого движения 1968 г., отражающих и подвергающих критическому рассмотрению его политические идеи. В центре повествования – история становления личности студента Ульриха Краузе, показанная на фоне реальных исторических событий того времени, происходивших в Западной Германии. Роман изобилует интертекстуальными ссылками, палитра которых весьма богата. Зачастую они выделены автором в тексте курсивом, что облегчает их опознание читателем.

С целью установления индивидуально-авторского пристрастия к использованию той или иной фигуры интертекстуальности мы провели их количественный подсчет. Наиболее распространенной в романе Уве Тимма при актуализации темы «протест» оказалась текстовая аппликация (индекс частотности ее применения – 25), далее следуют парафраз и травестирирование (индекс частотности их использования – 7), цитирование (индекс частотности его употребления равен 6) и текстовая аллюзия (3 случая использования). Применения Уве Тиммом имитации авторского стиля нами не выявлено. Для актуализации темы «учеба» используются такие фигуры интертекстуальности, как текстовая аппликация и цитирование (по 3 случая употребления). Постараемся объяснить причину столь явного преобладания текстовой аппликации в романе «Жаркое лето».

Текстовая аппликация, согласно В.П. Москвину, – это прием, состоящий в использовании адресантом в качестве «строительных блоков» для собственного текста фрагментов текста без указания на источник, поскольку пред-

полагается, что он известен адресату [8, с. 63]. Роман «Жаркое лето» вышел в свет в 1974 г., когда описываемые в нем события были еще свежи в памяти читателей, а послужившие теоретической основой студенческого движения идеи Г. Маркузе, К. Маркса и В.И. Ленина – знакомы многим. По этой причине большинство текстовых фрагментов, включенных У. Тиммом в произведение посредством обращения к приему текстовой аппликации, представляет собой отрывки из трудов этих политических деятелей. Данные текстовые вкрапления помогают читателю получить представление о политических взглядах и интересах главного героя, позволяют лучше понять ход его мыслей и внутреннее состояние.

Приведем несколько примеров. Ульрих Краузе размышляет об организованной Социалистическим союзом немецких студентов (СНС) акции протеста, в которой он принял участие, и о причинах своей нерешительности, помешавшей ему поддержать друзей во время стычки с полицией. Средства, используемые СНС для достижения поставленных целей, вызывают у протагониста сомнения. Ответы на занимающие его вопросы молодой человек ищет в работе Г. Маркузе «Культура и общество». *Ohne Unterbrechung las er bis in den Abend hinein. <...> Er hatte das Gefühl, an einem entscheidend wichtigen Ereignis teilgenommen zu haben. Zugleich quälte ihn aber auch der Gedanke, daß er gekniffen hatte. Im Kampf um Freiheit, im Interesse des Ganzen gegen partikuläre Interessen der Unterdrückung kann Terror zur Notwendigkeit werden. Hier erscheint Gewalt, revolutionäre Gewalt, nicht nur als politisches Mittel, sondern als moralische Pflicht. Sie hatten diesen Polizeieinsatz lächerlich gemacht. Sie hatten die Verhaftung als Phrase entlarvt, einfach dadurch, daß sich mehr verhaften lassen wollten, als in den Wagen hineinpaßten. Sie waren stärker als die Polizei, fand Ullrich* (здесь и далее выделены соответствующие фигуры интертекста).

В следующем примере источником текстовой аппликации является один из трудов В.И. Ленина. Под влиянием нового окружения изменяются интересы главного героя: если в самом начале повествования в руках студента «Воспитание чувств» Г. Флопера, то сейчас его настольная книга – «Что делать?». Прочитанное не выходит из головы Ульриха Краузе, приобретая характер его собственных мыслей: *Da endlich war die Stimme im Kopf. Warum aber,*

wird der Leser fragen, führt die spontane Bewegung in der Richtung des geringsten Widerstands, gerade zur Herrschaft der bürgerlichen Ideologie? Aus dem einfachen Grunde, weil die bürgerliche Ideologie ihrer Herkunft nach viel älter ist als die sozialistische, weil sie vielseitiger entwickelt ist, weil sie über unvergleichlich mehr Mittel der Verbreitung verfügt.

Сцена строительства баррикад во время студенческих волнений в Гамбурге включает в себя отрывок из оды Гёльдерлина «Любовь». Всплывшие в памяти Ульриха стихотворные строки созвучны его приподнятому настроению и говорят о надежде протагониста на то, что происходящее повлечет за собой долгожданные общественные преобразования: *Wie leicht er die schweren Steine weiterreicht. Er fühlt sich kräftiger und stärker. Wie schnell die Barrikade vorn vor dem Absperrgitter wächst. Wachs und werde zum Wald! eine beseeltere, vollentblühende Welt!*

Поясним употребление остальных фигур интертекста в романе Уве Тимма.

Цитированием называется «фигура интертекста, состоящая в дословном воспроизведении фрагмента какого-либо текста, сопровождаемом ссылкой на источник» [5, с. 814]. В романе активно цитируются Фома Аквинский, Мао Цзэдун, Г. Маркузе, М. Хайдеггер и др. Так, в эпизоде обсуждения форм революционной борьбы на заседании одной из групп ССНС оратор приводит слова Мао Цзэдуна: *Dann hatte Tammo wieder das Wort ergriffen. Neue Formen des revolutionären Kampfes müßten entwickelt werden. <...> Mao sagt: Wir können ein Ding nur ergreifen, wenn wir es fest packen, ohne den Griff auch nur im mindesten zu lockern. Die politische Gewalt kommt immer aus den Gewehrläufen, sagte Tammo und stand auf, er müsse noch zu einer anderen Gruppe.*

В ряде случаев цитаты облегчают расшифровку интертекстуальных ссылок, содержащихся в текстовых приложениях. Например, в главе, описывающей беспорядки, начавшиеся в Гамбурге после покушения на лидера студенческого движения Руди Дучке, мы находим текст руководства для демонстрантов, разработанный членами ССНС. Он разбит автором на отдельные части и введен в повествование в виде цитаты и последующих текстовых приложений. По этой причине соотнесение текстовых приложений с опорным текстом не представляет сложности:

Ulrich sprang auf. <...>Dann stürzte er hinaus. <...>

*ANLEITUNG FÜR DEMONSTRANTEN
(Bitte nicht wegwerfen, an andere Demonstranten weitergeben!)*

1. Feste Ketten bilden! Diese zu Blöcken zusammenschließen! Nur in der Masse sind wir stark! Zeitweilig isolierte und abgesplitterte Gruppen müssen sofort wieder Anschluß suchen!

<...>Ulrich läuft zur Universität. <...>Ein junger Mann geht über die Straße in Richtung Audimax. Ulrich fragt ihn, ob er irgendwo eine Menschenansammlung gesehen habe. Nein, warum. Auf Rudi ist geschossen worden, ein Attentat. <...>

2. In Entscheidungssituationen diszipliniert und ruhig sein, damit sich Meinungen bilden können.

<...>Er läuft durch die ABC-Straße. <...>Etwas tun, denkt er, man muß etwas tun. Diese Schweine.

3. Jeder muß Informationen und Anweisungen weitergeben! Polizisten durch falsche Informationen verwirren!

Парафраз определяется В.П. Москвиным как «прием, состоящий в изменении лексического состава какого-либо устойчивого выражения или текста (травестирование)» [5, с. 527], причем это изменение не должно нарушать исходную ритмико-синтаксическую структуру высказывания. Парафраз используется как средство оценки, а также в расчете на комический эффект [7, с. 155].

Среди всех видов парафразы в контексте рассматриваемых тем преобладает парафраз крылатых слов. В нижеследующем примере парафраз отражает отношение протагониста к политикам, занимающим посты федерального президента и федерального канцлера, – Генриху Любке и Курту Георгу Кизингеру. Эту фразу Ульрих пишет на дорожке пешеходного перехода: *Gottes Wille ist unergründlich, darum Lübke Präsident und Kiesinger Kanzler. Salomon, Psalm 4.* Здесь налицо использование двух приемов одновременно – парафразы слов из послания святого апостола Павла к римлянам (*Gottes Wege sind unergründlich*) и ложного цитирования (приведенное выше изречение никакого отношения к псалмам Соломона не имеет, ссылка на них в данном случае создает комический эффект).

Примечателен тот факт, что авторство двух парафрастических высказываний принадлежит не Уве Тимму, а художнику Петеру-Эрнсту Эйффе, который стал известен благодаря своим надписям сатирически-

критического характера. Летом 1968 г. их можно было увидеть в Гамбурге повсюду – на почтовых ящиках, афишах, табличках с названиями улиц, стенах станций метро [10]. Некоторые из этих надписей Уве Тимм включает в роман, например: *Eiffe der Bär behauptet: Ganz ohne Christkind geht die Chose nicht!* Парафраз строк из оперетты Кальмана «Королева чардаша» (*Ganz ohne Weiber geht die Chose nicht*) содержит ироничный намек на то, что религиозные традиции эксплуатируются капиталистическим обществом. Так, традиция дарения подарков на Рождество, одним из символов которого является младенец Иисус, позволяет владельцам магазинов получить значительную прибыль.

Текстовой аллюзией называют «свернутую, часто однословную выдержку из претекста, используемую без ссылки на автора» [6, с. 110], причем «ее специфика заключается в косвенной отсылке к литературным текстам, которая особым образом заставляет работать память читателя» [9, с. 91–92]. Мы обнаружили всего три случая использования текстовой аллюзии. Возможно, восприятие этой фигуры интертекста затрудняет ее небольшой объем [6, с. 54]. В качестве примера приведем одну из надписей уже известного нам Петера-Эрнста Эйффе: *Auge um Auge, Zahn um Zahn, das wünscht Eiffe allen Weihnachtsmännern*. Эта фраза отсылает нас к библейскому высказыванию *Око за око, зуб за зуб*. За шутливым призывом отомстить Санта Клаусам, заполонившим улицы города в преддверии Рождества, просматривается протест против западного общества с его властью денег и системой ложных ценностей, ставящей во главу угла удовлетворение постоянно растущих материальных потребностей.

Как можно видеть из приведенных примеров, фигуры интертекста значительно обогащают содержание, выразительные возможности, экспрессивно-прагматический потенциал художественного произведения. При этом реализуются такие функции интертекстуальности, как метатекстовая, экспрессивная и прагматическая. Кроме того, они обеспечивают «активное» прочтение произведения и диалог читателя с автором, что повышает эстетическое удовольствие от текста.

Наиболее частотной из всех выявленных нами фигур интертекста является текстовая аппликация. Посредством этой фигуры Уве Тимм обращается в основном к политическим текстам, которые со временем частично

или полностью теряют свою прецедентность. Непрецедентность или неполноценная прецедентность ряда опорных текстов ставит под угрозу понимание некоторых фрагментов романа «Жаркое лето», затрудняя расшифровку интертекстуальных ссылок и, следовательно, сужая круг его читателей.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М. : Флинта: Наука, 2002.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : ИГ Прогресс, 2000. С. 427–457.
4. Миловидов В.А. Интертекстуальность // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 80–82.
5. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д. : Феникс, 2007.
6. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
7. Москвин В.П. Стилистика русского языка: приёмы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): пособие для студентов. Волгоград: Учитель, 2000.
8. Москвин В.П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. 2002. № 1. С. 63–70.
9. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
10. Herrmann R. Ein Mann namens Eiffe. URL : <http://www.zeit.de/1968/22/ein-mann-namens-eiffe/seite-1> (дата обращения: 26.06.2013).
11. Timm U. Heißer Sommer. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2007.

Figures of intertext in the novel by Uwe Timm “Hot Summer”

Based on the novel “Hot Summer” by a modern German writer Uwe Timm there are considered the functioning peculiarities of figures of intertext as the author’s favorite stylistic device, used by him for revealing the key themes of the work “protest” and “study”.

Key words: *figures of intertext, intertextuality, text, text application, quotation, paraphrase, text allusion.*